

Шаткий трон и зыбкое стекло Семантика прилагательных сквозь призму поэзии

ОЛЕГ ФЕДОСОВ

ELTE BTK Szlav és Balti Filológiai Intézet, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.
E-mail: fedoszov@gmail.com

(Received: 2 October 2016; accepted: 23 November 2016)

Abstract: This paper is devoted to the corpus-based study of Russian adjectives *шаткий* ‘wobbly, unstable, shaky’ and *зыбкий* ‘unsteady, shaky’ in the context of Russian poetry. The comprehensive research shows that the similarity of these lexemes has only surface features. The symmetry of the two adjectives is discussed: they are synonymous practically in all the meanings they have but this semantic area has a lot of differences. The following differences are revealed: the adjective *шаткий* is used in its direct meaning more frequently than *зыбкий*, while the adjective *зыбкий* is used more frequently in metaphoric contexts. It is necessary to study how the hidden component of the meaning takes place in the “naive mind”.

Keywords: lexical semantics, polysemy, adjectives, poetry, metaphoric contexts, corpus

0. 20 лет назад, весной 1996 г., еще в старом здании гуманитарного факультета Будапештского университета им. Л. Этвеша, «у пиаристов», акад. Ю. Д. Апресян читал доклад о принципах интегрального описания лексики на примере находившегося тогда в стадии завершения проекта *Нового объяснительного словаря синонимов русского языка*. Спустя год появился первый том (или «первый выпуск», как окрестили его создатели) сегодня уже легендарного НОССа, содержащий 132 синонимических ряда (НОСС 1997). Учитывая тот факт, что один описанный в НОСС синонимический ряд содержит в среднем 5 лексем, общий объем словника не превышает 700 единиц. А сколько же «выпусков» и сколько лет (а скорее десятилетий) требуется, – мог спросить себя «неискушенный читатель», – чтобы описать таким образом лишь основную лексику современного литературного русского языка? Конечно же, «детальное лингвистическое портретирование» (НОСС 1997: V) слов-синонимов в этом словаре преследовало совсем иные цели, чем составление «обычного» словаря синонимов в каком бы то ни было формате. Но здесь интересно провести чисто поверхностное сравнение с объемом словника другого словаря, вышедшего в Праге в том же самом 1997 г., и содержавшего детальное описание валентности (а тем самым и семантики) наиболее частотных чешских глаголов – числом «всего» 767 глагольных лексем (Slovesa 1997: 8). Известно, что стандартный лексикон современного чешского литературного языка составляет 197 279 единиц, и в их числе 46 223 глагола (ŠERMÁK 2010: 163). Итак, первый выпуск НОСС и первый том чешского словаря валентности описали приблизительно от 0,4 до 0,5% лексики этих языков, и соответственно всего 1,7% общего числа чешских глаголов.

Упоминание о цифрах здесь не случайно: данные словари создавались в Москве и в Праге еще в «докорпусные» времена. Хотя *Машинный фонд русского языка* уже существовал ранее, речь шла об узко-экспериментальном и недоступном для «широкой научной общественности» проекте, который нельзя сравнить с появившимися впоследствии национальными корпусами чешского, русского и многих других славянских языков.

В октябре 2015 г. в рамках юбилейной конференции, посвященной 60-летию основания богемистики на том же факультете будапештского университета, но уже в новом лекционном зале «у Трефорта», в режиме онлайн проходил *workshop*, подготовленный молодыми сотрудниками института Чешского национального корпуса (ЧНК – материалы конференции находятся в печати). Они показали возможности и представили многие результаты более чем 20-летней работы первого в Славии национального корпуса, основанного в 1994 г. профессором Карлова университета в Праге и многолетним руководителем ЧНК Франтишеком Чермаком. Напомним, что 29 апреля 2014 г. и Национальному корпусу русского языка исполнилось уже 10 лет.

За прошедшие годы на материале ЧНК только в пражской серии «Исследования по корпусной лингвистике» (*Studie z korpusové lingvistiky*) было написано более 20 томов монографий и сборников, а кроме того, были созданы новые учебники современного чешского языка, ряд новаторских словарей (частотный, тезаурус, словарь паремий, словарь моноколокабельных лексем и т. д.).¹

В сентябре 2016 г. Институт ЧНК в очередном *Информационном письме* сообщил своим пользователям, помимо прочего, и данные о новой версии синхронного подкорпуса (SYN v4) чешского языка, объем которого превысил 3,6 миллиарда (!) слов. Параллельные подкорпусы в рамках ЧНК только в своей иноязычной (т. е. без чешского языка) части охватывают уже 39 различных языков общим объемом около 1,5 миллиардов слов.

Однако сами по себе эти колоссальные объемы языковой информации еще ничего не гарантируют. Уже 10 лет назад в одной из своих программных статей основатель ЧНК Ф. Чермак отметил:

Описание лексической семантики всегда было проблематичным главным образом из-за недостатка данных и критериев, а в эпоху корпусов вследствие «избытка» данных, а также из-за зачаточного состояния поисков новых критериев, которые бы смогли показать, как эти данные оценивать, классифицировать и анализировать [перевод – О. Ф.] (ČERMÁK 2006: 56).

Цитируемая статья Ф. Чермака была посвящена проблемам и методам описания полисемной лексики на примере анализа семантики прилагательного *мягкий* (чешское *měkký*) по данным Чешского национального корпуса. В качестве исходного принципа автор предлагал такой подход к лексикогра-

¹ Полная информация об изданиях и публикациях на базе ЧНК доступна на сайте Института: <https://www.korpus.cz>.

фии полисемных слов, при котором он считал, что нет и не может существовать абсолютно объективного и надежного метода, который бы постулировал то или иное количество значений в толковании слова. При сравнении разных толковых словарей становится наглядным факт, что лексикографам при членении семантического спектра удается «попасть в цель» (*strefiti se*) более или менее удачно, что обычно ведет к неясностям и неточностям (см. ČERMÁK 2006: 56–57).

Выбор прилагательного *мягкий* (*měkký*) в статье Ф. Чермака был целенаправленным. Изучающие семантику прилагательных российские исследователи указывают на то, что «наиболее разветвленные сети значений имеют частотные слова, первым значением которых является обозначение физического свойства предмета, такие как *мягкий, горячий, острый, ровный* и т. п.» (КЮСЕВА и др. 2012: 249).

Для создания нового семантического профиля чешского прилагательного *мягкий* (*měkký*) Ф. Чермак использовал относительно небольшой по объему материал: конкордансы из синхронного подкорпуса SYN2000 в размере 3549 контекстов (т. е. 0,035% от всего объема подкорпуса), а в качестве дополнения был задействован специальный «малый» подкорпус SYNEK, в котором было обнаружено 438 вхождений искомой лексемы (0,044% всех слов). Для сравнения укажем на то, что у русских лексем *легкий* и *тяжелый* в НКРЯ (основной корпус) на момент написания статьи было найдено 103 030 вхождений для первой и 78 386 для второй, соответственно. «Ручная» обработка такого количества контекстов не представляется реальной.

В *Предисловии* к коллективной книге *Перспектив активного словаря русского языка* Ю. Д. Апресян писал по поводу материала корпусов следующее:

Под современными технологиями понимается прежде всего опора на большие корпуса текстов. Однако отвергается абсолютизация корпусов как единственного надежного источника сведений о современном русском языке. Корпусы содержат большое число неправильных словоупотреблений, а с другой стороны, несмотря на огромный объем, не содержат всех правильных словоупотреблений. Отфильтровать факты первого рода и учесть факты второго рода можно только на основе экспериментов, обязательно в соединении с объяснительным инструментарием современной лингвистики, т. е. теоретической интерпретацией того, почему одни употребления считаются правильными, а другие – неправильными (АПРЕСЯН и др. 2010: 15).

Частотность, синтагматическая функция, валентность, анализ классов лексем (денотатов), образующих словосочетания с целевой лексемой, учет ее синонимических и антонимических отношений, ассоциативные связи и многое другое – вот тот набор аспектов, которые необходимо учитывать при «многомерном» описании семантики.

1. В задачу настоящей статьи, однако, не входит создание «лексикографических портретов» (иными словами: семантического профиля) слов-синонимов *шаткий* и *зыбкий*, так как цель исчерпывающим образом описать их

семантику в синхронии и диахронии, парадигматические связи и синтагматические потенции, формальные и прагматические свойства расширила бы наш краткий очерк до почти монографических размеров. Нам хотелось бы воспользоваться элементами методики из приведенной выше статьи Ф. Чермака для написания «эскиза к портрету» этих прилагательных, главным образом на материале особых художественных текстов – текстов русской поэзии XVIII–XX веков на основе *Поэтического подкорпуса* Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>). Целью написания таких «эскизов» будет попытка задуматься над вопросом, возможна ли в принципе формализация нашего донаучного, наивного знания значений неких слов, того, что не только понимает, но и интуитивно ощущает любой носитель языка еще до обращения к словарному толкованию, но что в большинстве случаев дает ему возможность безошибочно употребить то или иное слово. Научные методы интегрального описания лексики сегодня опираются на неисчислимый объем информации, ставшей доступной благодаря корпусам, но попытки свести ее к какой-то разумной схеме часто вызывают неудовлетворенность.

Выбор нами прилагательных *шаткий* и *зыбкий* (не считая общего внимания к семантике слов этого типа – ср. из цитированной выше литературы: *мягкий / твердый*, *легкий / тяжелый* и под.) произволен и практически случаен. Как это часто случается с филологами, толчком послужило чтение неких текстов (здесь – русской классики):

Я так же вижу, так же слышу, так же думаю; та же странная непоследовательность, *шаткость* и *легкость в мыслях*, столь противоположная тому единству и ясности, которые, Бог знает зачем, дано воображать человеку (Л. Н. Толстой: Записки маркера, 1855).²

Сомнительное, *зыбкое счастье* наплывало на Василису. Будто бы лето и вот Василиса купил огород (М. А. Булгаков: Белая гвардия, 1923–1924).

Выделенное в тексте Л. Толстого выражение ассоциировалось со словами *легкомысленный / легкомыслие*, но вот **шаткомыслия* «в моей АВС» (см. ниже) не нашлось. Первое и неизбежно поверхностное приближение к теме (на основе примеров из НКРЯ) создало ощущение, что слово *шаткий* «нагружено» идеологией русской прозы, а его синоним *зыбкий* – метафорикой, образностью русской поэзии. В одной из ключевых сцен романа «Война и мир» Наташа Ростова всходит по *шатким* ступеням дядюшкиного крыльца, и «нравственная *шаткость*» сразу заставляет вспомнить Ф. М. Достоевского. *А разброд и шатания* в лексике В. И. Ленина («Что делать?») прочно засели в моей памяти еще со времен сдачи экзамена по истории партии. *Шаткие ступеньки шаткого крыльца* вообще можно считать неким прототипичным (или лингвоспецифичным) русским явлением (что видно по их частотности в корпусе):

² Здесь и далее приводятся текстовые примеры из НКРЯ.

Дядюшка снял Наташу с лошади и за руку провел ее по *шатким* *досчатым* *ступеням крыльца* (Л. Н. Толстой: Война и мир. Т. 2. 1867–1869).

Перейдя через небольшой дворик, мы взобрались на *шаткие* *ступеньки крыльца* (И. С. Тургенев: Три встречи, 1852).

Попробуем вначале провести «докорпусное» сравнение родственных данным прилагательным слов с позиции «наивного» носителя языка. Очевидно, слово *шаткий* окажется фаворитом, так как в АВС (ассоциативно-вербальной сети – термин проекта РАС) носителя русского языка оно имеет гораздо больше ассоциативных связей, чем его синоним *зыбкий*. Не нужно долго «искать в голове», чтобы такие выражения, устойчивые и неустойчивые, создали в нашем представлении некую первоначальную базу для «наивного» определения границ значения данных лексем. Например: *Он зашатался и упал* / *Его шатало из стороны в сторону* / *зуб шатается* / *шаткие ступеньки* / *Петька опять где-то шатается* / *ни шатко, ни валко* / *пошатнувшееся доверие* / *расшатанные устои* / *медведь-шатун* / *разброд и шатания* и т. д.

В случае со словом *зыбкий* и его «родственниками» дело будет обстоять несколько иначе: *зыбь по воде* / *зыбая поверхность болота* / *мертвая зыбь* / *строить дом на зыбком песке* – спонтанно знакомых выражений не так уж много. Возможно, любитель русской поэзии «серебряного века» вспомнит мандельштамовскую строку «Образ твой, мучительный и *зыбкий*...», а знаток – и четверостишие З. Гиппиус с игрой слов: «На кручу сыпкую / Возьму их в каменный приют. / Прилажу *зыбкую* им *зыбку* я... / Пусть отдохнут!». «Наивным» образом, однако, определить существенную разницу в составе «семантического спектра» обоих прилагательных невозможно. Они как близнецы, потому нередко дополняют друг друга там, где автор не может остановить свой выбор на одном из них:

Необычность жизни, ее *расшатанность* и *зыбкость*, новизна жизненных условий требуют от нас сочетания величайшей, непоколебимо-стойкой преданности вечным началам... (С. Л. Франк: Крушение кумиров, 1923).

Но вот буйный уснул; волн смирился разгул,
Только *шаткая зыбь* все еще бродит, бродит...

(П. А. Вяземский: Босфор, 1849)

«Наивное знание», кроме того, вряд ли поможет вспомнить выражение *зыбкое стекло*, вынесенное нами в заглавие статьи. Сочетание *шаткий трон* (например, у А. С. Пушкина – ср. ниже) звучит привычно (как и прочая мебель: *шаткий стол/стул*), а вот сочетание *зыбкое стекло* своей необычностью чем-то напоминает термин *жидкий кристалл*.

Если перейти теперь к научному анализу рассматриваемых лексем, то логично обратиться сразу к толковым словарям. Сведя воедино их данные, мы получим следующий результат:

шаткий

1. 'неустойчивый, шатающийся; такой, который шатается, качается из стороны в сторону': *шаткий стол, шаткий стул, шаткий мостик*;

2. 'легко приходящий в состояние колебания из-за своей непрочности, ветхости': *шаткие ступеньки*;

3. 'нетвердый, неуверенный (о шаге, походке)': *шаткая поступь*;

4. (перен.) 'ненадежный, непрочный, неосновательный': *шаткое положение, шаткие доказательства, шаткие показания* (БТС 2004: 1491, МАС 4: 704, ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1997: 893).

зыбкий

1. 'находящийся в состоянии легкого колебания, зыби; легко приходящий в колебание': *зыбая поверхность озера, зыбкое болото, зыбая лодка (неустойчивая)*;

2. (перен.) 'непостоянный, ненадежный, изменчивый': *зыбкий аргумент, зыбкое положение* (БТС 2004: 372, ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1997: 234).

Как правило, при первом приближении ни одно из толкований не вызывает и не должно вызывать сомнений. Кроме того, мы намеренно не будем сейчас обращаться к данным этимологических словарей (хотя, безусловно, интерес представляют и такие параллели, как родство венгерского *séta, sétál* с корнем *шат-*), а также к примерам из исторического подкорпуса НКРЯ (...ему донесли, что «прозябе ересь и явился *шатание* в людях»), так как это отвлечет нас от поставленной цели. Безусловно, комплексное описание семантики целевых слов предполагало бы и анализ специфики употребления близкородственных (частью производных) лексем, как, например, существительного *шаткость*, ср.:

Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о *шаткости* людского мнения (А. С. Пушкин: Капитанская дочка, 1836).

Наконец, если анархисты, отрицая политическую борьбу, сами просятся в учреждение, ведущее эту борьбу, то такая вопиющая непоследовательность показывает, конечно, лишний раз всю *шаткость* мирозозерцания и тактики анархистов (В. И. Ленин: Социализм и анархизм, 1905).

Обратимся снова к статистике. Результаты поиска в основном корпусе НКРЯ (объем всего корпуса: 109 028 документов, 22 209 999 предложений, 265 401 717 слов) показывают следующее:

шаткий – найдено 1026 документов, 1427 вхождений;

зыбкий – найдено 1065 документов, 1662 вхождения.

Цифры свидетельствуют о том, что данные прилагательные – при удивительной симметричности их употребления в русском языке – не относятся к высокочастотной лексике (ср. выше данные для *легкий* и *тяжелый*, где

частотность первого примерно в 70 раз выше, чем у лексемы *шаткий*). Однако этих контекстов вполне достаточно, чтобы составить часть коллокационного профиля прилагательных. Так, сочетания с существительными помогут обрисовать классы или типы компатибельных с данными прилагательными слов.

Отметим сразу, чего нет: зуб может шататься, но нет сочетания **шаткий зуб*; ноги вряд ли кто назовет ‘неустойчивыми’ или ‘колеблющимися’ (см. словарные толкования), но есть *шаткие ноги*:

Весь день метался на коечке, плакал, стонал, жбанами дул воду из колодца, глотал лекарства, дважды терял сознание и холодел, а вечером встал на *шаткие ноги*, хватил рюмашку коньяка, прибодрился и ночью опять надрался (Ю. М. Нагибин: Дневник, 1973).

Вот далеко неполный список существительных для *шаткий* по данным НКРЯ:

SUBST. KONKR: тип СТОЛ / МОСТИК:

- ступени, ступеньки, крыльцо, перила, перильца...
  - стол, столик, стул, стульчик, комод, кресло, диванчик, кровать, спинка (стула), трюмо, этажерка, сервант, табуретка, стойка, стенка (мебель), ножки (стола), капельница...
  - земля, столб, леса, стремянка, лестница, постройки, балкон, конструкция, доска, ограда, фонарь, избенка, небоскреб, плита, рама, заборы, подстава, коридоры...
  - палуба, трап, сходни, корабль, лодочка, мостик, мост, помосты, трибуна мостки, сидения, пол...
- А также:
- клавиши, буквы, каблуки, телега, сучья, лед, бревнышки, свет (фонаря), шаткое колено (водостока) и многое другое.

SUBST. ABSTR: тип РАВНОВЕСИЕ / ПОЗИЦИЯ:

- вера, связь, чувства, принципы, мнения, смысл (жизни), элементы, факты, аргументы, статус-кво, равновесие, баланс, состояние, спокойствие, гипотеза, теоремы, позиция, век, время, изображение, положение, компромисс, система, грань, опора, основания, надежда, согласие, достижения, благосклонность, двоевластие, мировоззрение, момент, понятия, обстановка, демократия, авторитет...

Однако и здесь найдутся «неувязочки»: например, *шаткость мыслей* или *нравственная шаткость* (ср. выше у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) плохо трансформируются в сочетания прилагательного с соответствующим абстрактным существительным. Было найдено всего по одному примеру, что нельзя назвать типичным узусом:

Казалось, что жизнь всех внимающих руководилась прилавком жизни Ивана Иваныча и что брошюрочка «Метод», в которой профессор едва обронил две-три *шаткие мысли*, есть вклад в философию (А. Белый: Москва. Ч. 2. Москва под ударом, 1926).

Фердинанд осыпан фортуною, горд, тщеславен, *шаткого нрава*, как и отец, похож на него лицом (И. И. Лажечников: Басурман, 1838).

Многочисленные, безусловно интересные примеры авторской метафоры оставим вне нашего внимания:

Поженившись, они устроились на *шатком Олимпе*, среди не слишком-то надежных облаков, стараясь по возможности отрешиться от настойчивых уколов действительности (Б. Окуджава: Упраздненный театр, 1989–1993).

Отдельно отметим и выделяемое словарями значение для *шаткой походки* (и ее разновидностей):

Легкая и *шаткая поступь* стала ровною и твердою походкою (И. А. Гончаров: Обыкновенная история, 1847).

...Господи бог мой!» – продолжал наш герой, направив слабые и *шаткие шаги* свои в ту сторону, где увидел что-то похожее на карету (Ф. М. Достоевский: Двойник, 1846).

Он *шаткой рысцой* пошел к ручью, – в страхе расстегивал на груди пуговички камзола... (А. Н. Толстой: Петр Первый. Кн. 2. 1933).

Нечто подобное мы обнаружим и в данных основного корпуса НКРЯ для слова *зыбкий*. Вот всего несколько примеров для иллюстрации конкретных значений: *болото, поверхность, струи, ручейки, площадка, грунт, тень, свет, тропинка...* (но нет мебели и строений), и абстрактных значений: *мир, положение, равенство (сил), граница, понятие, идея, образы, семантика, дух, память, равновесие, линия, время, шансы, тема...*

Использование прилагательного *зыбкий* в качестве метафорического и идиоматического средства имеет и свои особенности:

...по-утреннему *зыбкие массивы* Италии... (И. Бунин: Господин из Сан-Франциско, 1915).

И мое маленькое Я в сердцевине *зыбкого тела* все скорчилось от муки страха (Л. Улицкая: Казус Кукоцкого, 2000).

Ибо ты искал опоры там, где ее найти нельзя, ибо ты *строил свой дом на зыбком песке*... (И. С. Тургенев: Дворянское гнездо, 1859).

2. Теперь обратимся к результатам поиска в поэтическом корпусе. Объем этого корпуса: 78 868 документов, 1 045 898 предложений, 10 967 173 слова, т. е. примерно в 25 раз меньше, чем у корпуса основного. При этом частотность в нем для *шаткий* (найдено 274 документа, 288 вхождений) и

для *зыбкий* (найдено 674 документа, 705 вхождений) значительно выше, чем в корпусе основном, при явном преимуществе последнего: если на 265 миллионов слов приходится «всего» 1662 вхождения для *зыбкий* в прозе и публицистике, то на 11 миллионов – 705 (!) вхождений. Это соответственно означает, что в русской поэзии прилагательное *зыбкий* употребляется (пропорционально) примерно в 10 раз чаще, чем в непоэтических текстах.

Стихосложение или же стихотворчество – по определению – это ‘способ организации звукового состава стихотворной речи, противопоставляющий ее прозе’ (БТС 2004: 1270). Эта дефиниция из толкового словаря вряд ли поможет нам понять специфику использования прилагательных *шаткий* и *зыбкий* в поэтических текстах. Обратимся к самим стихам. Судя по данным подкорпуса (поэзии) еще до середины XIX века «поэтическое» *счастье* могло быть не только *зыбким* (см. выше), но и *шатким*:

Шаткого счастья измена любви и верности узы
Не разрешает; напротив, она их прочнее связует.
(А. А. Фет: Саконтала, 1847)

Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенью пьет...
(К. Н. Батюшков: Счастливец, 1810)

Вперяюся в премены мира
И разных лет и разных стран:
Взыграй сие, моя мне лира,
И *счастья шаткого* обман...
(А. П. Сумароков: Ода, сочиненная в первые лета
моего во стихотворении упражнения, 1740–1743)

Для типичных «шатких артефактов» (например, мебели – см. выше) находится соответствующее место и в поэзии:

Мгновенно возбудится
Завидный аппетит –
И труженик-пиит
За *шаткий стол* садится...
(К. Ф. Рылеев: Пустыня, 1821)

Едва дыша, нахмуря взор,
И засветив свою лампаду,
За *шаткой стол*, кряхтя, засяду,
Сижусь, сию три ночи сряду
И высижусь – трестопный вздор...
(А. С. Пушкин: Моему Аристарху, 1815)

Существительные с конкретными денотативными значениями в стихах также, как и в прозе, могут проявлять свойство шаткости: *стол, треножник, ступени, мосты, крыльцо, ветка, половицы, пол, подножки, качели, гамак, спинка кровати, постель, колыбель*... Вот пример из поэтической классики:

Онегин тихо увлекает
 Татьяну в угол и слагает
 Ее на *шаткую скамью*
 И клонит голову свою
 К ней на плечо; вдруг Ольга входит [...]
 Татьяна чуть жива лежит.

(А. С. Пушкин: Евгений Онегин. Гл. 5. 1826)

И словарная *шаткость походки* (здесь: виною Вакха /Бакха, как поэтической номинации опьянения) находит здесь отражение:

Однак убийства Бакх с собою не привез,
 Ни приключений злых, ни также горьких слез, –
 Но *шаткий ход ногам* и сон в глаза покойный;

(В. К. Тредиаковский: «Бакх прибыл...», 1751)

Из конкретного артефакта может возникнуть глубочайший поэтический образ с символическим содержанием:

В темных вагонах
 На *шатких, страшных*
Подножках, смертью перегруженных,
 Между рабов вчерашних
 Я все думаю о тебе, мой сын, –
 Принц с головой обритой!
 .....
 Много снегу и мало хлеба.
Шатки подножки.

(М. И. Цветаева: «В темных вагонах...», 1919)

Абстрактные значения метафорически воплощаются, например, и в дидактических строках поэтов середины XIX века:

Та – страстей могучем хмелем
Шаткий ум обворожит
 И, сманив к неверным целям,
 С злобным смехом убежит.

(В. Г. Бенедиктов: Жизнь и смерть, 1836)

В ряду поэтических *шатких теней / ветвей / ладей / мостков* и даже *запахов* выделяется пушкинская метафора *шаткого трона* (как вариант – *престола* – метафора, повторно возникающая и в других стихах как самого А. С. Пушкина, так, например, у К. Рылеева):

С ним полномощный езуит
 Мятеж народный учреждает
 И *шаткой трон* ему сулит.

(А. С. Пушкин: Полтава, 1828–1829)

Прилагательное *зыбкий* на фоне своего синонима (и более высокая его частотность в текстах стихов отражает этот факт) становится гораздо более выразительным лексическим средством. Очевидно, внутренняя форма этого слова (понятие, обычно применяемое во фразеологии для описания образности фразем и идиом), связанная с его этимологией и многовековым использованием «историческая память», богатство и разнохарактерность коннотаций превращают прилагательное *зыбкий* в особое средство поэтического языка:

Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В *зыбкие*, *бледные дали*
Венецианских зеркал.

(Н. С. Гумилев: Венеция, 1916)

Но все проходит в *жизни зыбкой* –
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка.

(Н. С. Гумилев: Индюк, 1920)

Это не исключает возможности его буквального прочтения в одном из прямых (словарных) значений:

И всюду тишь... лишь в отдалении, там,
Качался челн на *влаге мутно-зыбкой*...

(Н. А. Некрасов: «С цветком
в руке, бледна и одинока...», 1846)

Над *зыбкой глубиной болотной*
Скользили, выводя изгибы,
Полосья ровные саней.

(В. Я. Брюсов: Солнцеворот, 1917.10.17)

Под пером больших мастеров поэзии лексема *зыбкий* становится таким выразительным средством, которое позволяет создавать оригинальные, яркие авторские метафоры:

Всего острей поет в тебе одна струна,
Чрез грезу Шумана и *зыбкий стон Шопена.*

(К. Д. Бальмонт: Музыка, 1914)

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как *камень зыбкий*,
В сияющую пустоту...

(А. А. Блок: Демон, 1916)

Нельзя тому, что было *грустью зыбкой*,
Сказать: «Будь страсть!».

(М. И. Цветаева: Ошибка, 1906–1912)

Обратимся теперь к выражению *зыбкое стекло*. Его аномальность на фоне стандартной сочетаемости лексем наглядно проявится при кратком экскурсе в синтагматические потенции слова *стекло*. Вот небольшой выбор из контекстов основного корпуса НКРЯ:

- тонкое, толстое, волнистое, бронированное, зеркальное... *стекло*
- оконное, лабораторное, увеличительное, обрезное, атермальное, сенсорное, магическое, водомерное, предметное...
- лобовое, боковое, ветровое, заднее, выдвигное...
- вулканическое, венецианское, богемское, муранское...
- темное, матовое, цветное, разноцветное, расписное, зеленое, рыжее, рубиновое, сапфировое...
- сухое, мокрое, грязное, замыленное, тусклое, дымчатое, холодное, битое, подслеповатое и многое другое.

Заметим при этом, что обладающее самой высокой частотностью в ассоциативном эксперименте (т. е. в АВС носителя языка) *хрупкое стекло* (РАС 2: 300) в НКРЯ имеет всего 15 вхождений, в то время как, например, *лобовое стекло* – 357 вхождений, что является, впрочем, нормальным отражением жанрового состава базы основных синхронных корпусов (большая доля текстов публицистики). С другой стороны, в основном корпусе *зыбкое стекло* встречается всего 2 раза и только в одном тексте того же автора:

Вдруг, сквозь *зыбкое стекло* дверей, появилась, приложенная извне, русалочья рука; затем половины судорожно раздвинулись, и просунулась кудлатая голова сестры (В. В. Набоков: Тяжелый дым, 1934–1935).

В стихах русских поэтов, напротив, это выражение становится чуть ли не «избитой» метафорой:

Так бурны тучи отражает
Залива *зыбкое стекло*.

(А. С. Пушкин: Бахчисарайский фонтан, 1821–1823)

Очевидно, что метонимический перенос *зыбкости воды* на образ *воды как стекла* (залива, моря, Волги) делает необычность данной сочетаемости поэтическим средством. Встречается оно и у В. Жуковского, и у С. Надсона, Н. Языкова, А. Фета, И. Бунина, т. е. поэтов разных эпох и стилей.

3. Наша попытка «набросать эскизы к портретам» прилагательных *шаткий* и *зыбкий* при помощи поэтических текстов имела целью разве что добавить несколько мазков, штрихов, может быть даже малозначительных с точки зрения установок на интегральное и многомерное описание лексических средств языка.

Тем не менее, поставленный в настоящей статье вопрос о возможности формализации, схематизации, классификации и (в будущем) автоматизации наших наивных знаний о составе и границах значений определенных слов,

остаётся открытым. То, что интуитивно «знает» носитель языка (в том числе и писатель, поэт), и что даёт ему возможность правильно и/или творчески употребить некое слово (компетенция говорящего), с трудом укладывается в спектр словарных значений.

В одном из своих недавних интервью И. А. Мельчук говорил о том, что с точки зрения лингвистики существует огромная разница между изучением «понимания» и «говорения»: «Я делаю модели естественного языка. Если делают модель самолета, то в конце концов он должен летать. Когда будет сделана модель языка, то она будет говорить, как мы. Очень просто! Этим я и занимаюсь, думаю, как это сделать» (http://polit.ru/news/2012/10/27/zaloznyak_melchuk). Это – изучение «говорения», а не «понимания», а ведь именно последним занимается в основном лексическая семантика.

Теперь представим себе на минуту, что будущая «модель языка» заговорила по-русски и ей, в частности, надо снова перевести с русского на немецкий вот эти строки О. Мандельштама:

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

(О. Э. Мандельштам: «Образ твой, мучительный и зыбкий...», 1912)

Возможно, что компьютерная машина («самолет» И. А. Мельчука) найдет путь, как выразить здесь особое значение слова *зыбкий*, перевод которого, например, Пауль Целан когда-то опустил:

Dein Gesicht, das *quälend umrißlose*,
Tief im Dunst – ich machs nicht aus.
„Herr“, so sprach ich...

(О. Mandelstam: Hufeisen Finder, 1983)

Но пока такой машины нет, мы считаем, что о методах, которые помогут глубже проникнуть в «вербальную кухню», т. е. как в тайны понимания, так и в тайны говорения, лингвистам предстоит еще много подумать.

Литература

- АПРЕСЯН и др. 2010 = АПРЕСЯН Ю. Д. (ред.) *Перспектив активнoгo словаря русского языка*. Москва: «Языки славянских культур», 2010.
БТС 2004 = Кузнецов С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004.
КЮСЕВА и др. 2012 = КЮСЕВА М. В., РЫЖОВА Д. А., ХОЛКИНА Л. С. Прилагательные *тяжелый* и *легкий* в типологической перспективе. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды XVIII Международной конференции «Диалог 2012»*. Т. 1–2. Москва: «РГГУ», 2012. 247–255.

- МАС = ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.) *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Издание 3-е. Москва: «Русский язык», 1981–1984.
- НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- НОСС 1997 = АПРЕСЯН Ю. Д. и др. (ред.) *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва: «Языки русской культуры», 1997.
- ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА 1997 = ОЖЕГОВ С. И., ШВЕДОВА Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Издание 4-е, дополненное. Москва: «Азбуковник», 1997.
- РАС = КАРАУЛОВ Ю. Н., СОРОКИН Ю. А., ТАРАСОВ Е. Ф., УФИМЦЕВА Н. В., ЧЕРКАСОВА Г. А. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 1–2. Москва: «ИРЯ РАН», «Помовский и партнеры», 1994.
- ČERMÁK 2006 = ČERMÁK F. Polysémie a kolokace: případ adjektiva měkký. In: ČERMÁK F., ŠULC M. (red.) *Studie z korpusové lingvistiky 2. Kolokace*. Praha: NLN, 2006. 56–93.
- ČERMÁK 2010 = ČERMÁK F. *Lexikon a sémantika*. Praha: NLN, 2010.
- Slovesa 1997 = SVOZILOVÁ N., PROUZOVÁ H., JIRSOVÁ A. *Slovesa pro praxi*. Praha: Academia, 1997.